

АНА САКПУ

ПРАКТИКАНТКА

ДОКТОРА СОБОЛЕВА

Керфовы-Лютики

Ана Сакру

Практикантка доктора Соболева

«Литнет»

Сакру А.

Практикантка доктора Соболева / А. Сакру — «Литнет»,
— (Керефовы-Лютики)

Сергей Соболев- умный, красивый, состоявшийся мужчина тридцати семи лет. Каждый день десятки женщин с радостью раздвигают перед ним ноги, а некоторые из них даже платят Соболеву за это. Всё потому, что Сергей Иванович - акушер-гинеколог. После работы же ему самому приходится платить разным дамочкам, чтобы оказаться у них между ног. Всё потому, что Сергей Иванович разведен. А решиться на ещё одни отношения с женским полом помимо денежно- интимных у него нет ни времени, ни желания. И Соболева его жизнь абсолютно устраивает, но... Но ведь всегда есть место для «НО». Есть место чуду.

Содержание

1.	5
2.	12
3.	16
4.	20
5.	24
6.	30
7.	42
8.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Практикантка доктора Соболева

Автор: Ана Сакру

1.

"Ничто так не бодрит по утрам, как истошные вопли роженицы," – тяжело вздохнув, подумал Сергей Иванович Соболев, зав. отделения патологии беременности, и решил, что кофе ему сегодня уже не надо.

– Так, голубушка, вы когда орёте – не дышите. А надо бы наоборот! – мягко, но настойчиво посоветовал Соболев, оторвав сосредоточенный взгляд от наружных родовых путей и переведя его на красную от натуги их обладательницу, – Там уже головка видна, душа моя! Некогда в громогласии упражняться...

Виола Петровна, ассистирующая акушерка, с опаской покосилась на увещающего роженицу доктора. Её не обманывал ласковый тон и тепло светящиеся глаза начальника. Весь персонал знал стадии гнева зав.отделения Соболева. Если в его речи мелькали следы коммунистической эпохи, значит Сергею Ивановичу что-то не понравилось, если он переходил на дореволюционный сленг- значит Соболев сердится, если же веяло старославянским, то всё! Пиши- пропало- останешься без премии...

– Дышу я, дышу! – облизывая пересохшие губы, возмущенно захрипела роженица, – Сами бы попро... Уфффф!

– Да вниз же, вниз тужься! – возмутилась уже Виола Петровна, всплеснув от негодования руками. Ну, такая схватка пропадает, а!

– Вниз давай, деточка! А то ж ребенка заж... – начала было акушерка, но осеклась под быстрым режущим взглядом Соболева.

Было у Сергея Ивановича одно правило в родах- рожениц он пугать всякими детскими увечьями запрещал, хотя обычно это использовалось повсеместно. Да и Виола Петровна была твердо убеждена, что иногда надо. Вот как сейчас например: девчонка же только щеки пузырем делала и ноздри раздувала. Вон бордовая вся, а толку ноль. Нехорошо...

– Так, подмените... – Соболев быстро уступил место акушерке меж раздвинутых дрожащих от перенапряжения ног, а сам подошел с изголовью родильного кресла.

– Значит вот что, голубушка,– деловитым тоном начал Сергей Иванович, доставая телефон из кармана хлопковых штанов хирургического костюма,– Продолжишь в лицо тужиться- глаза из орбит вылезут и кровоизлияние будет...

-Правда- правда...– утвердительно закивал зав. отделения в ответ на направленный на него недоверчивый взгляд.

– Показать?– и не дождавшись согласия пациентки, начал быстро листать галерею в своём смартфоне, желая успеть, пока роженицу не скрутило очередной схваткой.

– Вот!

Соболев с победным видом ткнул экран в нос пациентке. Глаза той и правда медленно полезли на лоб. Виола Петровна же незаметно закатила к потолку свои. Ох, уж эта уникальная методика заведующего, цинично уверенного в том, что страх за ребенка женщин дезориентирует, а страх за собственную внешность – мобилизует. У роженицы меж тем от увиденного в телефоне врача начала заметно отпадать челюсть, а бордовый цвет лица уходить в нежно-зеленый.

На самом деле Сергей знал, что делал, потому что и женщин он тоже знал. Слишком хорошо. Так хорошо, как может знать только человек, проводящий с ними практически всё время своего бодрствования и наблюдающий их в самых разных, а порой и экстремальных ситуациях. И, как любой мужчина, чересчур часто сталкивающийся с противоположным полом, Соболев женщин не то, чтобы не любил, но, скажем так, видел все их слабости и недостатки без прикрас. Без того романтического флёра, так помогающего мужчинам влюбляться в юности. Именно поэтому Сергей уже давно не влюблялся – в последний раз лет десять назад в свою теперь уже бывшую жену, как оказалось, ту ещё суку. После неё в сердце Соболева было так же пустынно, как на поверхности Марса, что в общем тридцатисемилетнего Сергея Ивановича более чем устраивало. Потерять способность проникаться всей этой розовой чушью, и в итоге сохранить нервные клетки, время и кошелек- был лучший подарок его бывшей женушки.

– Меняемся,– скомандовал акушерке Соболев и со скоростью, достойной гоночного болида, занял своё место меж разведенных бёдер роженицы.

– Ну, дорогая, поняла? Вниз!– Виоле Петровне оставалось только закрепить полученный результат после демонстрации впечатляющих фотографий из коллекции доктора,-Вдооох.... Давай, подбородочек к грудиии...таааак...

Короткий кивок вмиг поменявшегося в лице Соболева подсказал акушерке, что дело пошло. В паре с заведующим женщина работала уже как пятый год, и они давно без слов понимали друг друга.

– Ещё- ещё- ещёее... – увещевала ободренная успехом Виола Петровна. Так глядишь, и позавтракать со всеми в ординаторской успеют. Катерина, кажется, дор блю принесла...

Заходил в ординаторскую Сергей с опаской. Катерина, старшая медсестра, с утра обмолвилась, что ждёт его сегодня сюрприз, а на его удивленный взгляд заговорщически подмигнула. На вопрос "какой" ничего не ответила и лишь расплылась в предвкушающей улыбке. "Больно хищный вид у вас, Катя," – сощурился на это Соболев, но от дальнейших расспросов его отвлекли дикие вопли в третьей родилке.

И вот сейчас, когда дело было сделано, чуял Соболев, приближаясь к месту отдыха персонала, что подкрадывается к нему какой-то лютый пипец. А инстинкты Сергея редко подводили.

– Здравсьте, дамы, господа, – Соболев окинул быстрым взглядом присутствующих, кивнув всем разом и никому в отдельности.

– Здраааасьте, СерИваныч, – нестройный вялый хор подчиненных говорил о том, что видеть его рады, но прожевать бутерброды важнее.

Сергей бодро пожал протянутую руку Федора, тоже акушера-гинеколога, потянулся к руке Николая Ильича, анестезиолога, и замер, упершись глазами в трёх незнакомых девиц, жмущихся друг к другу на кожаном диванчике, как мокрые воробышки на высоковольтном проводе.

– Тааак, – протянул Сергей, очень уж не любящий чужих на отделении.

У него тут родильня, а не богадельня, в конце концов. Сырым и убогим, а также просто знакомым в ординаторской делать нечего. Непонятная троица дружно испуганно ойкнула и захлопала тремя парами накрашенных ресниц, создавая легкий ветерок в помещении. Отвечать на его немой вопрос "ху из ху" никто из них, похоже, так и не собирался. Соболев нахмурился сильнее. Мало того, что незнакомые, так и ещё и недалекие какие-то барышни.

– Вот! – вмешалась в немую сцену старшая медсестра Катерина, подсказывая со своего стула и сверкая азартом в чёрных глазах, – СерИваныч, наши новые ординаторы! С кафедры прислали!

Нееет. Сергей, не сводя глаз со с виду не очень сообразительной троицы, тяжело осел на подлокотник кресла, занятого Федором. Уже? Ой, как не надо...Как не надо, мать твою!!! Лееень....

– Знакомьтесь,– излишне весело вешала Катерина, наслаждаясь горем на лице заведующего,– Люба, Нина, Тоня.

Девчонки по очереди словно в замедленной съемке кивали, отзываясь на свои имена и продолжая кроликами взирать на удава- Серегу.

– Кого брать будете, СерИваныч?– доверительным тоном поинтересовалась змея- Катя.

– Что?– не сразу понял Соболев, раздумывая, ну вот зачем, спрашивается, сразу три! И все бабы!!! Он что? Царь Салтан?

– Вы же обещали Зое Михайловне, помните? – сладко запела Катерина, усугубляя его мучения, – Ординатора хоть одного под крыло себе взять....Нуууу?

Старшая медсестра широко повела рукой в сторону хлопающих глазами ординаторок, словно пекарь, показывающий на прилавке только что испеченные булочки.

– Кого?

Сергей в ответ на это натурально подвис. И правда...Кого...Брать будем?

Соболев задумчиво почесал щетинистый подбородок, осматривая исподлобья предложенный ассортимент личных "Пятниц". Блондинка, брюнетка и рыжая. Какой-то больничный вариант " Виагры" получается... Видно, что Зоя Михайловна постаралась. Или постебалась, что в данном случае не имеет принципиальной разницы. Он бы мог поддержать игривое настроение глав. врача и оформить под себя всех кандидаток разом, вот только это не сауна. Он-то и с одной связываться не горел желанием, не то, что с тремя...

Та-а-ак, *divide et impera* (разделяй и властвуй- лат.), надо оценить "щенят" по отдельности. Первой пасмурный взгляд заведующего на себя перетянула рыженькая. Что было не удивительно: яркий, но благородный медный оттенок её волос невольно заставлял размышлять – свои или нет, симпатичное молоденькое лицо, нежная бледная кожа, большие зеленые глаза, пухлые пошлые губы...И приглашающая игривость во взгляде. Соболев поморщился- сразу нет! Не то, чтобы он был так уж против шашней на работе – в конце концов с его образом жизни это были единственные шашни, которые он мог себе позволить. Но кандидатки на временный интим проходили строгую фильтрацию по нескольким принципиальным для него пунктам. Они должны были быть крепко и безнадежно замужем, они точно не должны были

быть излишне заинтересованы в дальнейшем развитии событий, а ещё им должно было хватать серого вещества не представлять себе это развитие во время долго тянущихся суточных дежурств. Рыженькая точно не подходила ни под одну из этих установок: кольца нет, взгляд как у малолетней пираньи, почуявшей каплю крови, а в расширенных зрачках уже пляшут гости на их скорой свадьбе. Нет, спасибо....

Придирчивый взгляд заведующего заскользил дальше... Брюнетка. Тут Соболев слегка оживился. Девушка точно принадлежала к другой национальности и иной религии. Смоляная коса была скромно загнана под платок, черные миндалевидные глаза усиленно сверлили пол, тонкие ручки как у первоклашки покоились на острых коленках, а на одном из пальцев тускло сверкало массивное обручальное кольцо.

Это Нина, наверно... Возможно... подойдёт... Эта точно зажимать в коридоре не будет... Зато будет нормально выговаривать его отчество в отличие от некоторых, а то от СерИваныча уже глаз дергается, и с радостной покорностью переписывать истории болезни... Соболев неожиданно почувствовал что-то вроде душевного подъема от вырисовывающихся перспектив – очень уж драконила его вся эта бесконечная писанина, и окликнул тупящую в пол брюнетку.

-Нина, да? Вам лет сколько? – может у женщин такое и не спрашивают, но Соболев не как у женщины интересовался. Просто больно молоденькая была девушка на вид. Вдруг вундеркинд какой-нибудь пятнадцатилетний, а вундеркинда для переписи историй ему было не надо... Тем более в цветущем пубертатном периоде...

Брюнетка крупно вздрогнула всем телом, будто сунула пальцы в розетку, и подняла на него испуганные, как у олененка Бемби, глаза.

– Мне?– сипло выдавила из себя девчонка.

– Нет, забудьте,– пробормотал Соболев, отмахиваясь.

С такой пугливой барышней с собой наштасть всегда носить надо, а у него карманов лишних нет. Настроение испортилось. Что ж так сложно то, а? Может, привыкнет... Ладно, вернемся к робкой лани, если с последней всё ещё хуже.

Соболев перевел уже мало чего ждущий взгляд на блондинку и невольно замер, встретившись с ней глазами. Девушка, точнее, уже женщина, смотрела прямо и с потенциальным уважением, но без намека на игривость. Открытое круглое лицо, мягкие, но выразительные черты, на в меру полных губах застыла едва заметная полуулыбка. Примечательное лицо. Вызывающее доверие у собеседника и какое-то странное, щемящее желание вывернуть душу и рассказать все, что наболело. По-простому поплакаться. Желательно вот прямо на этой точно мягкой груди. Соболев сморгнул, пытаясь избавиться от совсем неуместных образов. Для акушерки, конечно, идеальное качество... Быстрый взгляд на руки- кольца нет... Не носит? Почему-то сложно было представить её не замужем. Даже без троих детей сложно. От последней канди-

датки буквально веяло уютom, борщем, детьми и пирожками. Этакая славянская богиня плодородия, всем своим видом уверяющая, что родит и выкормит здоровое потомство.

– А вам сколько... – запнулся, думая Тоня или Люба.

– Люба, – подсказала "богиня борща" волшебным грудным голосом.

Ох... ещё хуже...

– Люба, – повторяя, нахмурился Сергей.

Он не мог решить, готов ли целыми днями слушать на работе этот густой будоражающий тембр из "секса по телефону". Впрочем, учитывая темы, которых они будут касаться, возбуждающий эффект должен быстро сойти на нет. Уж больно не вяжется с анализами и патологиями.

– Мне тридцать пять, Сергей Иванович, – спокойно и с достоинством ответила Любовь. Соболев сощурился, сканируя кандидатку. Нет, кокетства точно не было.

– Замужем?

По миловидному лицу Любы пробежала едва заметная тень, но она быстро смахнула её мягкой улыбкой.

– В разводе.

Сергей выдохнул. Кажется, понятно. Из этих, из обиженных. Что ж... Ему даже на руку...

– Как-то поздно для ординатуры, Люба, – сам поморщился от столь некорректных вопросов, но должен же он знать, кого подпускает к своим историям. Тут абы кому не доверишься.

Любовь на секунду поджала нижнюю губу, намекая, что черту дозволенного он по её мнению все-таки переступил, а потом снова вернулась к своей дежурной приветливой улыбке.

– "Не стыдись учиться в зрелом возрасте: лучше научиться поздно, чем никогда" – процитировала она своим голосом, которым лучше бы рассказывала про то, как собирается снять с себя медицинский халат.

Брови Сергея радостно и слегка удивленно взлетели вверх. О, Эзоп, ну надо же...

– А по бабушке вас как, Люба? – уже благодушно поинтересовался Соболев.

– Павловна.

– Значит так, Любовь Павловна. Вы мне, кажется, подходите. Беру.

2.

Заведующий Любе сразу не понравился. Хамло какое-то, прости Господи... Она таких не любила. Будто лошадь выбирал в базарный день. Он бы ещё зубы попросил показать- Люба бы ни капли не удивилась. В противовес Соболеву Любовь Павловна Вознесенская отличалась прекрасным воспитанием и умением держать себя в руках. Поэтому она лишь скупой вежливостью улыбалась, мысленно с наслаждением матеря этого чёрт знает что возомнившего о себе местного божка. Унизительно. Лишь бы не её взял. Хотя зачем она ему? Взрослая, не худая женщина с критическим мышлением. Таким самовлюбленным мужикам кого бы помоложе да чтобы смотрели с придыханием и намеком на свои размытые моральные принципы. Так что ходить за заведующим хвостом рыжей Антонине. Она вон уже и на диване спокойно удержаться не может – ёрзает. Трусы наверно жмут, да и вообще на мокром сидеть неудобно...

Снисходительно фыркнув и рассудив подобным образом, Люба подуспокоилась, чувствуя себя в безопасности, и начала незаметно разглядывать присутствующий в ординаторской персонал. Её коллеги по несчастью, другие ординаторки, Любовь Павловну мало занимали. Она про них сразу и многое поняла, а мелкие детали выяснить ещё успеет.

Больше всего Любу интересовали взаимоотношения в уже сложившемся коллективе, в который предстоит вливаться. Найти своё место, не наделав ошибок, – вот её первостепенная задача. Больница считалась одной из лучших в городе, и Люба рассчитывала здесь прижиться.

Первым делом она поняла, что Соболев, несмотря на свою вопиющую и похоже уже привычную всем бестактность, пользуется у коллег неоспоримым уважением. Но он всё-таки начальство и, скорее всего, как врач – настоящий профессионал, иначе заведующим бы не был. А в больнице со всеми её критическими ситуациями профессионализм часто ценится гораздо выше человеческих качеств. Так что достаточно лишь слишком часто не срезать премии, и благосклонно относиться к тебе будут. Несмотря на хамство...да... Тем более ведь есть разница, кто и как тебе хамит. Был бы Соболев не двухметровый красивый подтянутый мужик, а какой-нибудь пухленький плюгавый старикашка, то, может быть, старшая медсестра Катерина и не тянула с таким восхищением "СерИваныч".

Как он терпит, кстати? Ужас...Сер... Хер...Люба расплылась в улыбке сильнее, сверкнув глазами, и усилием воли подавила в себе ненужное веселье. Вот только из головы новая вариация имени-отчества заведующего выходить никак не желала, распеваясь на все лады. Так громко и задорно, что Люба чуть не пропустила момент, когда Соболев обратил наконец своё пристальное внимание на неё. Вовремя отвести взгляд от неожиданности не получилось, и Люба застыла, прямо смотря в светло-карие глаза Сер-Хер-Иваныча...

Да что ж он такой...породистый...Господи... Дыхание помимо воли сбилось, по телу прокатился мягкий жар и мешающей думать тяжестью осел внизу живота. Это всё от нерегулярной половой жизни, Любовь Павловна. Говорила тебе Зойка- скачай тиндер...И смотрит как...Будто душу чайной ложкой ковыряет...Ох, жарко...

Люба моргнула, прогоняя наваждение, и постаралась вспомнить, что заведующий – хам. Впрочем, он ей в этом и сам отлично помог. Сначала Соболев с невозмутимым видом поинтересовался, сколько ей лет и замужем ли она. А потом, глазом не моргнув, сообщил, что для ординатуры Люба, мягко говоря, старовата... Нет, чисто технически Любовь Павловна всё понимала, но женщина в ней мстительно сощурилась и пообещала это припомнить. А внутренняя женщина в Любе была очень сильна.

И задела...

Красивый мужчина, примерно её ровесник, при всём отделении назвал её старой... Если, когда она встанет, Соболев ляпнет, что она ещё и толстая, она месяц будет плевать ему в чай...

Успокоившись от подобной перспективы, Люба расплылась в ещё более мягкой улыбке, думая, ну какой же заведующий козёл... И чуть не вывихнула челюсть, пытаясь сохранить эту чёртову улыбку на лице, когда услышала невероятный Соболевский вердикт: " Вы мне, кажется, подходите. Беру!"

Соболев со всё возрастающим любопытством наблюдал, как вполне себе искренняя улыбка на лице у избранной ординаторки превращалась в застывший пластмассовый оскал. Черные зрачки Любы постепенно расширялись, поглощая радужку и делая направленный на него взгляд бездонным. Сергей работал с людьми, а потому умел считывать их эмоции достаточно хорошо. Любовь Павловна вот например очевидно была не рада оказанной ей высокой чести. И Сергей искренне не понимал почему... Рыжая Тоня вон рядом взвыть была готова от расстройства, что выбрали не её. Да и Нина точно была бы счастлива. Может хлопнулась бы в обморок и переполошила бы всю ординаторскую, но счастлива бы была определенно.

А эта...

Вы только посмотрите на неё... В ореховых Любиных глазах, просверливающих его насквозь, плескалось отчетливое предложение подумать получше, и Соболева это неожиданно задевало за живое. За мужское живое, если уточнять. Будто она не с заведующим время проводить не хотела, а именно с ним, с Сергеем. Но не знала как повежливей отказать. И морально готовилась к так себе компании. Но...

Но это же, простите, абсурд!

Он её как женщину никуда и не звал. Да даже не собирался. Более того, и выбрал-то только потому, что не соберётся не при каких обстоятельствах... В обозримом будущем... Да... Только вот теперь назло захотелось... Нет, не позвать, конечно. Но вытравить эту досадливую обреченность из ореховых лучистых глаз точно. Чтобы Любовь смотрела по-другому... Как...

Ну, как Тоня будет перебор, а вот, допустим, в меру кокетливо-игривый взгляд старшей медсестры Катерины Сергея вполне устраивал. Так и работать веселей, и самолюбию приятней.

Вот если бы свалившаяся ему на голову Любовь Павловна так посмотрела...

От одной лишь этой мысли Сергей испытал жаркий прилив адреналина и почувствовал, как внутри радостно стряхивает с себя толстый слой пыли давно не используемый охотничий инстинкт. Конечно, вряд ли Любиного запала хватит надолго. Разведенная полненькая женщина за тридцать с неприступным бастионом в голове Сергея не ассоциировалась ни при каких обстоятельствах. Но дня три он ей мысленно, так и быть, дал. На смену взгляда. Дальше заходить Соболев категорически не планировал. Незачем.

"Ну что, Серый, за три дня управимся? Должны..." – подначил сам себя заведующий и расплылся в обаятельнейшей хищной улыбке, адресованной ничего пока не подозревающей жертве. Плечи Сергея сами собой развернулись шире, взгляд вспыхнул, настроение скакнуло вверх, и внутренние часы сбросили махом лет пятнадцать. Он так давно даже не пытался флиртовать, что сейчас от одной этой идеи по телу туда-сюда прокатывалась мелкая приятная дрожь. Главное – не переборщить. Только по уши влюбленной ординаторки ему и не хватало... С этим условием задача становилась сложнее, но тем ещё интересней.

– Так, Люба, – Сергей подскочил с подлокотника кресла Федора, не в силах больше спокойно усидеть на месте. Нахлынувший азарт бурлил в нём забродившим вином, – Вы уже кофе допили? Пойдёмте.

– Куда пойдёмте? – недоверчиво сощурилась Любовь Павловна, и не думая вставать.

– В мой кабинет для более тесного знакомства, – ласково отрапортовал Сергей, довольный легкой двусмысленностью своего предложения.

Катерина хихикнула, Федор хмыкнул, Виола Петровна по своей привычке закатила глаза, а вот Любовь как-то не оценила и только улыбаться перестала. Демонстративно не торопясь, поставила почти пустую уже кружку на стол и медленно встала, оправляя узкие хлопковые штаны зеленого медицинского костюма. Вернее, они может и не были узкими изначально, да и вставала она не факт, что так уж медленно, вот только Сергею почудилось, что он просматривает замедленную съемку. Вот Любовь Павловна грациозно выпрямилась, откидывая пшеничную косу за спину. Вот развернулась, демонстрируя себя сзади, и наклонилась, чуть прогнувшись в пояснице, чтобы забрать в подлокотника диванчика свой телефон, который позабыла.

Вот это жопа...

Соболев подвис. С виду прямо крепкая, и круглая, и... Взгляд заведующего намертво прикипел к маячащей перед глазами пятой ординаторской точке. Сергей попытался его отодрать, но лишь боковым зрением заметил, что Федор тоже пялится. А если не он один, значит можно продолжить и ни в чем себе не отказывать...

На фоне узкого от природы плечевого корпуса и достаточно выразительной талии бедра у Любови Павловны и правда были примечательные. "Рабочие" – помимо воли вынес вердикт Соболев. И вздрогнул, стряхивая наваждение, когда Люба резко развернулась и перехватила его поплывший взгляд.

3.

Ощувив, что ягодицы предательски сильно запекло, Люба резко выпрямилась и развернулась в поисках источника дискомфорта. Нашла...

Ну, знаете ли, Сер-Хер-Иваныч...Совсем уже! Вот только озвучьте свои наблюдения...Вот только...!!!

Любовь поджала губы, возмущенно сверкнув ореховыми глазами, и уставилась на заведующего в ожидании хотя бы намек на раскаяние. Но намек не было. Напротив, помутневший взгляд Соболева медленно заскользил выше и уперся в виднеющиеся в вырезе хлопковой кофты Любины ключицы, мешая ей нормально дышать. Люба с трудом протолкнула образовавшийся в горле сухой ком негодования и выдала короткое, но ёмкое.

-Что?

– Ничего, – в ответ невозмутимо улыбнулся Соболев.

Видно было, что его так и подмывало добавить ещё что-то более определенное, но быстрый взгляд на замерших в ожидании коллег, и Сергей сдержался. Только ладонь протянул в приглашающем жесте и чуть в сторону отступил, давая пройти. Люба, одернув показавшийся ей сейчас слишком коротким хлопковый верх медицинского костюмчика, гордо прошествовала к выходу из ординаторской. Соболев след в след ступал за ней. Так близко, что Любе чудилось его жаркое дыхание на собственной шее и затылке. Нежную кожу горячо щекотало, рассылая россыпи микроскопических мурашек по всему телу. "Человек, похоже, о личных границах вообще ничего не слышал," – нервно поведя плечами, рассудила про себя Любовь Павловна...Нет, она понимала, что, возможно, это профдеформация. Тяжело думать о должной дистанции в общении с малознакомой женщиной, когда целыми днями торчишь между непонятно чьих разведённых ног...Но пока из неё вроде бы новые люди не лезут...

– Сюда, Люб, – низкий бархатный голос Соболева прозвучал у самого уха так интимно, что Люба на секунду выросла в пол, моргнув.

Зря, потому что на поясицу тут же легла обжигающая лапища, якобы подталкивая и направляя. А пара пальцев, конечно, совершенно случайно скользнули ниже и огладили то, что без разрешения хозяйки оглаживать уж точно никак нельзя...Шумно выдохнув, Люба буквально отпрыгнула от вконец распоясавшегося начальника. Нет, так точно не пойдёт!

– Сергей Иванович, простите, но...– Люба заговорила вкрадчиво и строго, прямо смотря заведующему в глаза.

Чтобы у него и мысли не проскочило, что она лишь набивает себе цену. Любовь Павловна таким не страдала. Если мужчина ей нравился, она обычно не стеснялась это показывать.

– Знаете, я очень не люблю, когда посторонние люди меня случайно касаются...Извините,– её вежливый тон лишь чуть-чуть сглаживал бескомпромиссность заявления.

Сергей с искренним недоумением воззрился на подчиненную и перевел быстрый растерянный взгляд на свою руку, только что побывавшую на Любиной спине.

– Простите...Я...– он, похоже, и правда даже не заметил собственного жеста. Любе стало слегка неудобно.

– Всё нормально,– она сдержанно улыбнулась Соболеву, сглаживая повисшее напряжение,– Но так...На будущее.

Снова улыбнулась, переступив с ноги на ногу и ощущая всё нарастающую неловкость. Сергей так странно смотрел. Пристально и вдумчиво, будто только сейчас увидел. Люба не выдержала и отвела глаза. Репродукция Рериха за спиной Соболева спасла положение, давая возможность разглядывать её, а не в упор смотрящего на неё мужчину. Фиолетовые горы поплыли перед расфокусированным взглядом.

– Кхм-кхм...– откашлялся заведующий и нервно провел пятерней по своему стриженному затылку.

– Налево последний кабинет, Люб,– уже серьёзно и тихо проговорил Сергей.

– Ага, спасибо,– еще одна рассеянная улыбка, и Люба быстро пошла в указанном направлении, глухо шлепая своими кроксами по больничному коридору.

А ягодицы всё продолжали гореть... Правда повернуться во второй раз и проверить, куда теперь смотрит Соболев, Любовь не рискнула.

С любопытством озираясь по сторонам, Люба первой перешагнула порог Соболевского кабинета. Сергей открыл перед ней дверь и тут же демонстративно отступил на шаг, показывая, что требование соблюдать дистанцию услышано и впредь будет неукоснительно выполняться.

Вокруг царил что называется творческий беспорядок. Заваленный папками и бумагами стол, темные ничем не примечательные стеллажи, под завязку забитые книгами, потертый, но уютный на вид диван с подушкой и пледом, и небрежно развешанные на стенах медицинские плакаты вперемешку с какой-то любительской мазней. Люба присмотрелась и с удивлением поняла, что это картины по номерам. Насчитала целых пять. Это Соболев что ли рисует? Никогда бы не подумала... Ну надо же! Еще и темы такие... одни цветочки и котики... Мда...

– На картины не смотрите, это у моего друга жена увлекается, – хмыкнул Сергей, проследив за Любиным изумленным взглядом. Прошел к высокому окну и, распахнув одну створку настежь, уселся на подоконник. Мартовская сырая прохлада тут же ворвалась в кабинет, заставив Любу зябко поёжиться.

– Стресс так снимает. У них двойня... Завалила всех уже картинами этими... да... И ведь не выкинешь! – продолжил рассеянно заведующий, хлопая себе по карманам, а потом выуживая из заднего помятую пачку сигарет.

Быстрый взгляд на Любу исподлобья, отчего на его высоком лбу собрались морщины.

– Не против? – и не дожидаясь ответа, Сергей чиркнул зажигалкой, подкуривая.

Люба мысленно закатила глаза. Даже если против, уже не умеет значения, так как всю небольшую комнату моментально заволочло едким запахом табака. Поэтому вместо возражений она поинтересовалась у с наслаждением втягивающего в себя ядовитый дым начальника.

– Почему же "не выкинешь"?

Кривая улыбка, и Соболев выпустил сизое облако вбок сквозь сжатые губы.

– У Елены Сергеевны не забалуешь... – рассеянно пробормотал.

– Но вы присаживайтесь, Люб, что стоите? – резко очнувшись от своих мыслей, Сергей улыбнулся ординаторке тепло и располагающе, облакачиваясь спиной на открытую оконную створку, – Не знаю... Сами найдите куда...

Мужчина скупно усмехнулся, извиняясь за царящий кругом беспорядок, и махнул рукой с зажатой между пальцами сигаретой в сторону диванчика как самого подходящего варианта.

– И давайте поближе познакомимся. Хочу про вас всё знать...

Его чуть прищуренный цепкий взгляд вспыхнул таким неподдельным и, давайте будем честными, льстящим любой женщине интересом, что Люба не выдержала и ответила в тон, забывая про только что отвоеванную дистанцию.

– А если я про вас?

– И вам про меня тоже можно,– благосклонно согласился Сергей, – Только я первый.

4.

– Ну, всё не обещаю... Но спрашивайте, – Люба присела на край диванчика, аккуратно откинув валяющийся на нём плед.

Сложила руки на коленях как прилежная ученица и подняла на Соболева свои мягко светящиеся ореховые глаза. Будто и не отчитывала его только что словно школьника за то, что посмел до неё дотронуться. Интересная женщина...

– Много скелетов в шкафу? – поинтересовался вслух Сергей, глубоко затягиваясь и не отводя от ординаторки прищуренный взгляд.

– Скорее, не хочу греметь их костями на работе, – хитро улыбнулась Любовь Павловна, отчего её лицо вспыхнуло живым очарованием. Но лишь на секунду, так как в следующее мгновение она снова нацепила на себя вежливую отстранённую маску.

Соболев скептически хмыкнул, рассматривая свою собеседницу сквозь выпускаемый сизый дым. А Люба-то оказывается красивая. Той естественной женской красотой, которую по нынешним временам можно сразу и не заметить, уж больно неброская, своя. Но которая неизменно притягивает к себе взгляды, вызывает расположение и накрепко западает в душу. И держится Любовь Павловна хорошо: сидит ровно, смотрит прямо, не кокетничает, ни лишних движений, ни суеты. Плавная вся какая-то... И мягкая... Снаружи. Что внутри – ещё только предстоит узнать... Но как она его отбрила! Посторонний он ей видите ли... Неприятно ей... Посмотрим, Любовь Павловна, посмотрим... Полновата, но как-то это слово на язык не ложилось. Вспомнилось бабушкино "справная", и Соболев криво усмехнулся своей находке в мире эпитетов. Всегда допытывался у ныне покойной бабули что это вообще значит: "справная"??? А вот Любе идёт, прямо липнет к ней. И статная... Да, прилагательные в голову одни старорусские какие-то лезли, забавно.

– В больницах всё равно все друг про друга всё знают, Любовь Павловна. Рано или поздно и ваши шкафы перетрясут, – произнёс Сергей с небольшой заминкой, выплывая из своих рассуждений.

– Не в первый день, – резонно заметила Люба.

Опять скупая, но такая милая улыбка. Она их как награды раздаёт и строго дозированно. Или только ему не хочет побольше отвесить? Они ведь и не знакомы толком, вроде бы нигде накосячить не успел... Подумаешь, на спину руку положил... Уж точно не девочка... С такими бедрами это было бы просто преступление...

– У вас дети есть?– вырвалось у Сергея в продолжение его мыслей раньше, чем он успел подумать. Чёрт. Нетактично как-то. Опять. Чтобы скрыть неловкость покрепче затянулся, щурясь.

Люба хлопнула ресницами, как делала всегда, когда пыталась сохранить безмятежное выражение на лице.

– Да, если вам любопытно. Но я думала, вас мои профессиональные навыки интересуют, Сергей Иванович, а не...это...– сказала спокойно, ровно. Но Соболев опять ощутил себя нашкодившим школьником.

Действительно, нашел что спросить в первую очередь...Значит, есть...И муж наверно... Не от архангела Михаила же у неё...Настроение у Соболева стремительно начало портиться. Дурацкая ситуация, дурацкие игры, и ты, Сергей, тоже дурак...Сидит перед тобой приличная замужняя женщина, терпеливо ждёт распоряжений от нового начальства, вежливо. Всем своим видом показывает, что работать сюда пришла, а не пышным хвостом крутить. А хвост – то и правда пышный оказался... Взгляд так и липнет, и пошлости всякие лезут в голову моментально...Какое-то зубодробительное сочетание: такой милый перед, и такой похабный зад... Кхм... Сергей поёрзал на подоконнике, ощущая неожиданный прилив крови в районе паха. Ну, твою мать, только этого не хватало. Подобного с ним давно уже не происходило, всё-таки не мальчик. Скосился вниз – вроде не видно...Но ближайшие пару минут лучше не вставать. А вечером решить проблему...Воздержание-зло!

Люба всё это время покорно ждала продолжения разговора, не подозревая, какие неудобства сейчас испытывает из-за неё заведующий. Сергей откашлялся, пытаясь быстро перестроиться на деловой тон. Потянулся ко второй сигарете, чтобы хоть как-то оправдать своё сидение на подоконнике.

-Ну и как же, Любовь Павловна, вышло, что вы сейчас проходите ординатуру?– поинтересовался Соболев, чиркая зажигалкой и со смаком раскуривая.

Люба повела плечами.

– Да как обычно выходит, Сергей Иванович. Училась я здесь в Мечникова, но забеременела на последнем курсе, последние экзамены уже с сыном на руках,– её карие глаза, рассеянно смотрящие мимо него, подернулись дымкой воспоминаний,– Уехала в Краснодар с мужем, думала там продолжить, но...

Люба поджала губы, по лицу пробежала тень.

– ...как-то всё не выходило. Да и муж не то, чтобы резко против был, но хотел, чтобы побольше дома была... Дети... А профессия врача очень много времени у семьи отнимает, сами знаете,– Люба перевела на него сфокусировавшийся лучистый взгляд.

– Знаю, – пробормотал Сергей. Его камень преткновения в своём собственном неудавшемся браке. Слишком много профессии и слишком мало семьи...

– В итоге я проработала медсестрой в частной женской клинике в Краснодаре, очень хорошей. Там и своё родильное отделение тоже есть. Но клиенток немного, график у работников шадящий. И не дома сидишь в четырех стенах, и семью не обделяешь...– Люба замолчала, опять смотря куда-то мимо него.

– В Краснодаре?– уточнил Сергей.

– Да,– кивнула Люба.

– А в Питере как оказались? За мужем переехали?

– Развелась,– Любовь Павловна снова посмотрела на него в упор своими чистыми ореховыми глазами. И аккуратно вкрадчиво добавила,– Я ведь говорила уже, Сергей Иванович...

– Ааа, точно,– боже, он забыл – так увлёкся разглядыванием ординаторки, пристроившейся на его диванчике. Да и в голове у него не укладывалось, что с такой женщиной можно разойтись. Всё она ему замужней казалась...Какая-то веская причина должна быть.

– А почему развелись?

Ему было настолько интересно узнать ответ, что неловкости за ещё один слишком личный вопрос в этот раз Соболев даже и не думал испытывать.

Люба поджала губы и демонстративно промолчала. Словно границу прочертила мелом между ними. Не скажет. Это только её. Соболев, отвернувшись, размазал окурок по пепельнице. Его одновременно раздражало и восхищало её умение держать дистанцию. И он никак не мог определиться, какое из этих чувств ярче.

– Значит решили начать новую жизнь, переехав и поступив в ординатуру, Любовь Павловна?– криво усмехнулся Соболев, не скрывая налёт снисходительности. Похоже, раздражение всё-таки побеждало.

Но Люба лишь лучезарно и наконец искренне улыбнулась, опять его удивив.

-Свои мечты всегда надо исполнять, Сергей Иванович. Даже если они очень давние.
Tanatum potes, quod credis.

5.

– Ну, что?– Зоя, лучшая Любина подруга ещё со времен проживания в общежитии медицинской академии, торжественно подняла свой бокал, полный красного вина, – За первый рабочий день?

– Ага,– Люба чокнулась с Городецкой и сделала маленький глоток. Потом тут же вскочила со стула и направилась к духовке. Таймер показывал, что пирожки пора доставать.

– О-о-о, давай мне!– Зойка, потирая руки в предвкушении, как зачарованная следила за вытаскиваемым, полным божественного угощения противнем.

– Кто ж с вином пирожки ест ,Зой?– рассмеялась Люба, – Ну, ты и чукча!

Но пару штук всё-таки положила на тарелочку и поставила перед облизывающейся подругой.

– Я худая- мне можно,– фыркнула Городецкая, с наслаждением откусывая. Пирожки у Любовь Павловны выходили замечательные. Чудо, а не пирожки. Зоя столько раз пыталась повторить. Даже неделю назад готовила под Любиным чутким руководством, но всё не то. Убого выходило. Тесто – оно ведь как живое, с душой. Кому-то даётся – кому-то нет. Вот Вознесенской давалось, а Городецкой нет.

– Это был намек, что мне нельзя что ли?– притворно возмутилась Люба, уперев руки в крутые бока.

– Оййй, да что ты! Не прибедняйся! – отмахнулась от неё Зойка, жуя,– Давай лучше рассказывай как день прошел? Я там многих знаю, интересно!

– Кого знаешь?– Люба потупила взгляд, рассматривая рубиновое вино в бокале, чтобы подруга не увидела вспыхнувший в её глазах болезненный интерес. Конечно, знает, скорее всего...Зоя специализировалась на ЭКО, а Соболев, её новый непосредственный начальник, на естественном родоразрешении многоплодных беременностей. А у экошников часто многоплодные...Да и вообще, вся эта медицинская среда- одна сплошная деревня. Даже в таком большом городе как Питер. Особенно в таком городе...

– Ну кого? Керефова Ани Рустамовна там есть, очень приятная женщина,– начала Зойка.

Люба только головой отрицательно покачала. Нет, её не видела.

– Кауцкий Михаил Ефремович, Слободян Армен Давидович, Соболев Серёга...

Люба чуть не подавилась. Взяла пирожок с тарелки и положила обратно, так и не откусив.

– А что это ты всех по имени- отчеству, а его " Серёга"?– хрипло поинтересовалась Вознесенская, прячась за поднятым бокалом. Щеки жарко вспыхнули, но это наверно от вина...

– Да знакомы хорошо, несколько раз на конференции вместе ездили. В Вене в январе так загли... Ууххх! – залиvisto засмеялась Зоя, а потом хитро покосилась на притихшую Любовь.

– А что?

– Да ничего,– Люба покрутила в пальцах тонкую ножку бокала, стараясь придать голосу и лицу как можно больше равнодушия. Но всё равно ей почему-то не было. Ещё и это Зойкино "Уухх"....

– Соболев- заведующий отделения, куда меня с кафедры направили, еще и к себе прикрепит, представляешь?– медленно подняла глаза на подругу, следя за реакцией. Зоя сейчас шутить начнет по этому поводу, а Любе слушать это не очень хотелось. Хотя обычно она была той ещё хохотушкой, да и в таком узком кругу приличной сплетницей, как и все женщины.

– Правда? Да ла-а-адно...– протянула Зоя, отставляя свой бокал.

– Правда,– вздохнула Любовь.

Пара секунд тягостного молчания. А потом Зоины глаза опасно и с азартом загорелись, а Люба внутренне приготовилась отбиваться. Не ошиблась...

– Ну и как он тебе?– вкрадчиво начала подруга наступление. Господи, как предсказуемо.

– На отделении уважают его. Вроде бы как начальник – хороший...Посмотрим...

– Ой, не надо мне тут лить! Как мужик он как тебе, я спрашиваю?– у Городецкой даже голос на фальцет от прорывающегося любопытства сорвался.

– Как- как...– забормотала Люба хмуро, будучи не в состоянии нормально ответить на этот вопрос.

Потому что...потому...Потому что соврать и сказать, что "никак" язык не поворачивался, а сказать честно, что "как" не поворачивался тем более. От одной этой мысли внутри вспенивалась волна протеста.

– А тебе как?– Люба решила уйти от каверзного вопроса и заодно узнать, что ж там за "ууухх" такой.

– А мне-то что?– моргнула Зоя, искренне не понимая,– У меня Василий...

– Ну...ты сказала зажгли...– Люба начала ковырять ногтем салфетку, поглядывая на подругу. Василий у неё, как же. То расстанется с этим Василием, то сойдется опять. Не поймёшь их. Вот сейчас вместе, а в январе...Люба уже и не помнила, что там у Городецкой было в январе...

– Да не было у меня с Серёгой ничего,– отмахнулась Зойка, и Люба невольно облегченно выдохнула.

– Так, поцеловались пару раз...

Люба моментально опять напряглась.

– Но это по пьяни и по халявному командировочному воздуху...А вообще огонь же мужик, Любаш! Умный, симпатичный, адекватный, что по нынешним временам, знаешь ли, редкость, – продолжила Зойка как ни в чем не бывало. Подалась в подругу через стол, тыкая в неё откусанным пирожком с курагой,– В общем, Любка, надо брать, пока свободный ходит. Долго не проходит- это я тебе точно говорю! Итак уже затянул что-то...

– Надо брать,– фыркнула Любовь, не скрывая сарказма, и встала за очередной порцией пирожков,– Как-будто он на лавочке лежит никому не нужный, только меня, сердобольную, и ждёт. Даже если в теории...В ТЕОРИИ...я и не против...В ТЕОРИИ,– в третий раз повторила Люба, чтобы подчеркнуть, насколько эта её теория далека от реальности,– То с чего ты взяла, что я ему нужна? Я ж не торг...

Люба, вздохнув, поставила перед подругой пирожковую добавку, подлила в бокалы вино и, сев напротив, подперла подбородок кулаками.

– Мне тридцать пять, у меня задница сорок восьмого размера и сын- оболтус старшего школьного возраста. Так себе принцесса, я тебе скажу, давай честно.

Словно в подтверждение её слов хлопнула дверь в прихожей и на всю квартиру разнесся веселый противно-забавно ломающийся голос.

– Мам, привет! Че поесть???

– Ещё и жрёт как не в себя, не каждый прокормит...– усмехнулась Люба, подмигивая Зое, а потом громче, чтобы сын услышал,– Привет, пирожки, Саш!

– Растущий организм, что ты хотела,–философски изрекла Зойка, делая большой глоток из своего бокала. Щурясь, оценивающе посмотрела на подругу,– А ты, Люб, не торт, ты вот тоже пирожок...Настоящая сдобная булочка!

И засмеялась.

– Ага, с изюмом,– хмыкнула Люба ей в тон.

На кухню залетел Сашка.

– О, тётъ Зой, здрасьте,– и сразу к противню.

– Привет, Саш, как жизнь?– откликнулась Зойка.

– Да нормально. Мам, меня на сборы берут, сегодня проплыл лучше всех. С чем пирожки?

– Ты мой молодец,– ласково защебетала Люба, попыталась обнять сына и поцеловать в гладкую пока ещё щёку.

– Ну, ма-а-ам, ну че ты сразу!– Сашка извернулся, скривил гримасу отвращения и продолжил деловито накладывать пирожки. Люба тяжело вздохнула, отступив. Уже не потискаешь, совсем большой. Поджала обиженно губы, но промолчала.

– С курагой,– села обратно за стол.

– А с мясом?– Сашка недовольно вскинул брови.

– Не разморозилось, завтра утром,– оправдываясь, вздохнула Любовь.

– Плохо, мать, плохо,– вынес вердикт Сашка и уплыл из кухни и горой пирожков на большой тарелке.

– Эээ... Ты как с матерью разговариваешь, балбес?– возмутилась Зоя, стукнув по столу, но Сашки уже и след простыл,– Люба, ты его балуешь!

Зоя переключилась на подругу.

– Вот что значит утром? Это ты перед работой что ли готовить ему пироги собралась? Санёк как жениться то вообще будет? Где он еще такую дурочку найдёт, которая борщи в шесть утра варит, а?

– Мне не сложно, успокойся,– отмахнулась Люба, не обижаясь на назидательный тон подруги. Она мало кому спускала попытки лезть в её жизнь и чему-нибудь учить, но Зое было можно. Заслужила за столько лет.

– А насчет жениться...– Люба лукаво сверкнула глазами,– Так мужики из-за другого пирожка женятся обычно...

Подруги весело захихикали. Вино медленно, но верно создавало всё более игривый настрой. В груди было тепло, в голове легко, а по венам струился приятный хмельной зуд.

– В общем, зря ты, Люб, думаешь, что ты Соболеву не интересна, – отсмеявшись, Зоя снова встала на любимые рельсы сводничества,– Ты дама видная, и не спорь!

Её руки взметнулись вверх в предупреждающем жесте.

– Может и интересна, конечно, - задумчиво протянула Любовь, потянувшись за пирожком и про себя вспоминая, как заведующий на неё сегодня смотрел. И что спрашивал. Вдоль позвоночника потёк мягкий жар, оседая внизу живота горячей влажной тяжестью. Да, это определённо был личный интерес, как мужчины к женщине. Интерес, приятный ей до жути, но...

– Только вот в качестве кого, Зой? Перепихнуться пару раз где-нибудь в подсобке?

Люба заговорила потише, поглядывая на дверь. Не хотелось бы, чтобы Сашка их разговор услышал. Он не младенец, конечно, но их развод с отцом воспринял тяжело и до сих пор до конца не пережил.

– У меня стойкое впечатление сложилось, что большего Соболеву и не надо. Ну а мне вот так не надо, понимаешь? Еще и работать потом вместе, делать вид, что не произошло ничего... Зачем мне это? Зачем??? – Люба всплеснула руками, эмоциональным жестом компенсируя тихий голос, и отпила ещё вина.

– А затем, Люб, что у тебя когда секс вообще был? Я уж не спрашиваю про хороший, – фыркнула Зойка, – Так, трехминутка хотя бы классическая... Когда? Во-о-от... А ты "не надо-не надо"... Надо, Любонька, надо!

– Ну, не с начальником же, – зашипела Люба, подаваясь к Зое через стол, – Не на работе!

– Ладно, давай не на работе... – согласилась Зоя, поразмышляв пару секунд, – Давай тиндер скачаем, давно тебе говорю! Женское здоровье – оно такое, без мужика сдаёт, сама знаешь! Только вот прямо сегодня чтобы поехала, при мне! Давай???

Люба поджала губы. В крови бурлили два выпитых бокала, низ живота тянуло зудящей неудовлетворенностью, и она правда уже начала забывать, каково это...

– А, давай! – махнула рукой. Гори оно всё... И почему нет, собственно. Никто же не узнает, да?

6.

– Да, твою ж... Гребаный зубастик... – прошипел себе под нос Соболев и с чувством бросил на пол джойстик, не сдержавшись.

Правда тут же поднял, потому что его друг, сосед и на данный момент офигевший соперник Рамиль Тигранович Керефов и не думал останавливать игру. Хотя мог бы и сбавить обороты. 3:1. Серёга безбожно дул. Но Рам только криво усмехнулся, беззвучно выкрикнул издевательски-победное "Да!" и продолжил нападать. Это просто день какой-то неудачный. Даже в Фифу, и то никак не выиграть. Сергей тяжело вздохнул, мечтая хоть немного сравнять счёт.

– Может пиццу закажем? – покосился на него Керефов.

– Я лазанью сделала, могу угостить! – донесся милый голосок Лены, жены Рамиля, из гостиной, где она играла с детьми.

– Не соглашайся, – зашептал Рам, с опаской поглядывая на раскрытые настежь межкомнатные двери, из-за чего слышимость в квартире была чересчур хороша, – Я нормально поесть хочу, Иваныч...

– Рами, мне кажется или ты его отговариваешь? – прилетело грозное из гостиной.

– Лееен, – укоризненно и громко протянул Керефов, – Ну ты что! Нет, конечно! Но Серёга пиццу хочет, да, Серёга?

Соболев только, посмеиваясь, кивнул. И заодно вспомнил, почему его устраивает быть холостяком. Врать надо меньше, а с нынешним умением женщин готовить и вести быт их с легкостью заменяет Яндекс-еда и клининговая служба, приходящая к тебе два раза в неделю. Есть у противоположного пола, конечно, ещё одна интересная функция, но и эту потребность всегда можно удовлетворить без официальной росписи в ЗАГСе. Хочешь быстро – за деньги, хочешь с налетом романтичности и иллюзией взаимности – с помощью какого-нибудь клуба и пары коктейлей. Так, кстати, про потребность... В воображении невольно всплыли кое-чьи крутые бёдра и упругая немаленькая задница, и Сергей пропустил четвертый гол. Да что ты будешь делать, а!

– Не, всё, хорош, – Соболев откинул в сторону джойстик уже окончательно.

– Слабачок, – фыркнул Рамиль недовольно.

– Да ну тебя...– Сергей махнул на приятеля, мол, отстань, и полез в приложение в телефоне за пиццей.

– Тебе какую, Тиграныч?

– Чтобы мяса побольше...Ленка, пиццу будешь?– крикнул Рам жене, а потом не удержался и съехидничал,– А, не, у тебя же вкусная лазанья! Извини...

– Как не буду?– в дверном проёме тут же материализовалась возмущенная белокурая голова Керефовой,– Офигел? Буду, конечно! Серёж, мне с ананасами!

И гордо уплыла, перехватив поудобней одну из близняшек, которая торчала у неё подмышкой и весело улыбалась наполовину беззубым ртом.

– Даже на заказ жрёт хрень какую-то... с ананасами...– пробормотал Рамиль, провожая жену впротивовес своим словам и насмешливому тону жадным горящим взглядом.

Сергей, хмыкнув, отвернулся и снова уткнулся носом в приложение, выбирая. Да... Есть, конечно, в браке ещё кое-что, что ни за какие деньги не купишь. То, ради чего наверно и отвратительную лазанью стоит потерпеть. Только вот далеко не у всех есть и не в каждом браке. В его вот в последние годы не было... Только одиночество ощущалось пронзительней, до боли в сердечной мышце. Его почему-то в сто раз острее чувствуешь, когда вы одиноки вдвоём...

– Слушай, дед с Родины коньяк привез,– спохватился Рамик, хлопнув себя по бёдрам,– Давай по чуть-чуть? А то вид у тебя сегодня какой-то уж больно унылый... Случилось что?

И, не дожидаясь ответа приятеля, Рам встал и направился к бару. Соболев закинул руки за голову, из-под полуопущенных век наблюдая за ним, скопился на дверь, намекая, чтобы тот прикрыл.

– Да нормально всё... так... – пожал плечами Сергей,– Задолбался сегодня просто что-то. Родов много было, на кафедру пришлось два раза ездить, в пробку встрял, по новостям смотрел? На мосту грузовик перевернулся...

– Да, я тоже постоял,– кивнул Рамиль, хлопая пузатыми стаканами о журнальный столик, и громче,– Лен, нарезку принеси!

– Сейчас! – донеслось из гостиной.

– А ещё мне ординаторку всучили, – пробормотал как-бы между прочим Сергей, зачарованно наблюдая за наливаемой янтарной жидкостью.

Внутри потеплело от одного упоминания вслух о новой подчиненной, слова зачесались на языке. Ему вдруг дико захотелось поделиться своими впечатлениями о Вознесенской Любови Павловне.

– Ммм...серьёзно? – черные глаза Рамиля блеснули интересом, – И как твой новообретенный личный падаван? Достоин пути Света?

– Держит себя так, будто этого пути недостойн я, – фыркнул Сергей, принимая пузатый бокал.

Рам удивленно вскинул брови, устраиваясь рядом с Соболевым на диване.

– Правда? Прости, брат, но мне сложно представить, что от тебя нос воротит какая-то пигалица, – и рассмеялся, стукая свой стакан о Серегин, – Скорее, вижу, как в рот заглядывает, ну и...

Керемов окинул друга быстрым оценивающим взглядом.

–...ещё куда-нибудь...– добавил потише и с явным подтекстом.

– Я бы не сказал, что она пигалица. В анамнезе тридцать пять лет, ребенок или дети, бывший муж, переезд из Краснодара, неразговорчивость, большая задница...– пробормотал рассеянно Сергей и залпом осушил содержимое своего бокала.

– Большая задница?– Рам даже хрюкнул от смеха, хлопывая Соболева по плечу, – Большая задница, мой друг, это всё, что ты до этого перечислил. А ещё явный повод эту задницу ни в коем случае рассматривать...В бабские тридцать...

Керемов запнулся, вскинув взгляд на входящую с подносом жену. Но было поздно, Лена уже всё необходимое для поддержания милой беседы услышала и не собиралась оставаться в стороне.

–Так...– пшеничные брови Керемовой предупреждающе сошлись на тонкой переносице, – Рами, ты что сейчас сказать хотел? Что в тридцать пять нормальных задниц не бывает?

– Лееен... – со страданием протянул Рамиль, прикрывая ладонью глаза.

Но Елену Сергеевну было уже не остановить. Зеленые глаза вспыхнули едкой иронией, прикрывая искринное возмущение, голос полился обманчиво мягко.

– Моя тебя, значит, тоже в тридцать пять не устроит что ли? Мне начать годы отсчитывать? До сколько там нормальная, Рами? До тридцати, до двадцати семи? Можно поточнее, пожалуйста... А то мало ли, может я уже так себе, а я тут и не в курсе, м?

Лена присела к мужчинам на диванчик, небрежно поставив поднос с мясной нарезкой на журнальный столик, и подчеркнуто ласково погладила мужа по щеке. Сергей спрятал улыбку в стакане, делая ещё один глоток, и, сощурившись, начал рассматривать стену напротив. Отличная стена... безопасная... В отличие от задетой за живое Елены Сергеевны.

– Лена, блин... – беспомощно забормотал Рам, – Ну ты же МОЯ задница... Ну что ты?!

– То есть на мою так и быть и посмотришь, раз уж твоя? – бархатным тоном поинтересовалась Кереева, продолжая нежно поглаживать мужа по плечам и спине, – Это что? Что-то вроде одолжения?

– Так, Лен, прекращай! – Рам увернулся от угрожающей ласки и хлопнул ладонью по столу, – Ну, давай честно! Одно дело – жена, с которой вместе живешь. У вас дети там, не знаю, любовь какая-нибудь... Другое – вот чья-то чужая, не родная, уже немолодая задница с чужим ребенком, разводом и ещё чёрт знает каким багажом и тараканами! Мозгоядные тараканы, они знаешь, с возрастом только активней размножаются...

Лена поджала губы, нахмурилась и исподлобья поглядывая на мужа. Помолчала пару секунд, а потом тяжело вздохнула и махнула рукой, похоже, соглашаясь.

– Ладно, и мне налей чуть-чуть, – встала за ещё одним бокалом.

– А девчонки?

– Да мультики включила им, полчаса будут сидеть.

– И всё же, Рами, ты не прав, – опять вздохнула Керефова, ставя свой стакан на столик, – Так говоришь, будто в тридцать пять и жизнь кончилась... Обидно даже... И за эту ординаторку, и за всех женщин в принципе.

– Не кончилась, Алён, просто именно нашему Сергею такого добра не надо, – примирительным тоном сообщил Рамиль, плеская жене коньяк, – Еще и на работе... подчиненная, разведенная, мечтающая пристроить себя женщина. Ну зачем?

– Ну... Мне не показалось, что она мечтает себя пристроить, – нахмурившись, вставил своё веское слово Сергей.

Ему вдруг стало обидно за Любовь Павловну. А обиднее всего было то, что обычно он ведь и сам так слово в слово рассуждал. Вот только со стороны это слушать было до зубного скрежета неприятно. Слишком цинично что ли...

– По крайней мере, мне. Наоборот. Я хотел поближе познакомиться. Ну... для работы, – Сергей потянулся за нарезкой, чтобы иметь возможность не смотреть на своих собеседников. Щеку прожигали любопытные жадные взгляды четы Керефовых, – Задал там пару личных вопросов. Ответила скупно, будто у неё каждое слово платное. Со своей стороны только по работе уточнила некоторые моменты и всё. Зарылась носом в истории, больше её и не видел за целый день...

– А хотел видеть? – с придыханием поинтересовалась Лена. Сергей нахмурился сильнее. Мечтательность в её голосе, мягко говоря, настораживала.

– Лен, хорош, – осадил жену Рамиль, а потом обратился к приятелю.

– Серёга, это всё от воздержания. Довёл себя – уже на бальзаковские попы засматриваешься. Но! – керефовский указательный палец взлетел вверх, – Этот вопрос легко решить, Иваныч.

И Рамиль хитро подмигнул.

– Ну, я вот тоже так подумал, – хмыкнув, покосился на друга Соболев, – Что надо бы решить... Только платно что-то не хочется...

– Ой, да ну вас, – разочарованно махнула на них рукой Елена Сергеевна. Быстро опрокинула остатки коньяка, поморщилась и встала с диванчика. Ещё она с мужиками шлюх не обсуждала. Лучше детей искупать. Тем более, уже пора...

Уход её остался практически незамеченным, так как Рам, разлив по ещё одной, уже тянулся к Серегину телефону, валяющемуся на журнальном столике.

– Ну, если не платно...А у тебя тиндер есть? Может там найдем прямо сейчас какую-нибудь... – Керефов весело подмигнул расслабленно откинувшись на спинку дивана Сергею и тише добавил, заботясь о нежных чувствах своей Елены Сергеевны, – жопастенькую.

– Иваныч, это что вообще за фотка? Со времён сотворения мира?– Рам не удержался и начал от души ржать, рассматривая профиль приятеля в тиндере,– Тебе здесь сколько? Пятнадцать?

– Отвали, а! Гиена кавказская...– фыркнул беззлобно Соболев и вырвал из рук смеющегося Керефова свой телефон,– Тридцать, и фотка как фотка...

– Тут даже лица твоего не видно! Очки эти темные, и далеко. Я вообще тебя не узнал. Селфи сделай – не позорься. А то ты как-будто от жены скрываешься. Или страшный...

– Итак сойдет,– пробурчал Сергей, уворачиваясь от Рамиля, пытающегося опять отобрать у него заветный гаджет,– На знакомых нарваться не хочу. Мало ли...

– Шансы минимальны.

– А я невезучий,– вздохнул Соболев.

– Ладно...Дай сюда!– резко подавшись вперёд, телефон Рам всё-таки вырвал,– Я – везучий, так что ты пока наливай, а я покопаюсь. Тааак...

Сергей, сдавшись, потянулся за наполовину пустой уже бутылкой. Рамиль развалился рядом на диване и, хмурясь, вбивал необходимые по его мнению параметры.

– Ты хоть говори, что делаешь? – занервничал Сергей. Что- что, а вкусы на женщин у них никогда не совпадали.

– Да так...Возраст тебе на выборке до тридцати поставил, а то на тридцатипятилетние жопы ты и на работе можешь насмотреться...

Соболев на это заявление только глаза закатил и плеснул Раму коньяка в бокал.

– И расстояние...уменьшил...Всё! Листаем!

В черных глазах приятеля вспыхнул азарт настолько заразительный, что и Сергей неожиданно ощутил мощный вброс адреналина. Так-то глупости всё это, весь этот интернет. Соболев, будучи достаточно старомодным по своей сути человеком, в подобные знакомства мало верил и ещё реже ими пользовался. Да и, правду сказать, ни разу ничего путного и не вышло. Но вот так, вместе и как-будто в шутку, было почему-то весело и волнительно.

Предчувствие, что надвигается на него нечто необычное, можно сказать, даже судьбоносное, задрожало внутри тонким переливом. И Соболев, сделав большой глоток из своего бокала, пристальным взглядом уставился на экран.

– Хммм...

Первая девушка была слишком вызывающе, аляписто накрашена. И брови какие-то непонятные, сбрила она их что ли?

– Нет, – нахмурился Сергей.

Вторую молча отлистнул сам Рам. Третью тоже. Четвертая была вроде ничего, и они дружно поставили ей лайк, но ответного лайка не последовало.

– Потому что фотка у тебя гавно, Иваныч, – вдумчиво изрёк на это Керефов. За что получил ласковый дружеский подзатыльник от Соболева и продолжил листать дальше.

Где-то с седьмой претенденткой они дошли до переписки, но девушка оказалась уж больно недалёкая, что ощущалось буквально с первого же предложения. А Соболев недалеким не любил. Даже для таких целей. У него аллергия была на слишком ярко выраженную человеческую глупость, а уж на женскую тем более. И, хотя Рам был против, вполне справедливо считая, что не в библиотеку Сергей с ней собирается, Соболев знакомство всё-таки быстренько свернул.

– Как же тебе сложно живётся, Серёга, – пробормотал себе под нос Рамиль и, тяжело вздохнув, послушно продолжил листать.

Восьмая сразу нет, девятая тоже. Десятая...И тут Соболев с Рамом подвисли, правда, причины у них были разные.

На фотографии незнакомая женщина в черном, плотно облегающем её фигуру платье-футляре до колен, стояла к ним спиной и любовалась видом вечернего города сквозь панорамное стекло балкона или террасы. Густые русые волосы жидким золотом растеклись по её плечам и спине, лёгкий поворот головы демонстрировал лишь кончик чуть вздёрнутого носа, но не открывал лицо, завешенное светлыми локонами. Узкие покатые плечи, чуть полноватые сверху, но тонкие в запястьях руки, выраженная талия, длинные ноги с хорошо прорисованными икрами, босые стопы и...

– Блин, вот точь-в-точь задница...– удивленно пробормотал Соболев, жадно впиваясь глазами в бедра незнакомки.

Разве так бывает? Он поверить не мог. Или у него уже галлюцинации? Ой, да неважно, она ему точно нравится! И подходит. Все гештальты разом...Пальцы зачесались от желания вырвать телефон из рук приятеля и поставить заветный лайк. Но Рам не дал, отпихнув его локтём, и продолжая пристально вглядываться в фотокарточку. Соболев нахмурился. Ну что ещё? И вообще, его найденная жопа. У Керефова вон Лена есть...Пусть ею любитесь...

– Дай сюда, Тиграныч,– прорычал грозно Соболев, снова потянувшись за телефоном.

Но Рам только озорным и слегка ошалелым взглядом его одарил.

– Слышь, Серёг, а это какая-то соседка наша! Ты на вид посмотри за окном. У тебя ведь точно такой же! И пишет... "находится от вас в десяти метрах"...Прикинь?

– Точно...– Соболев нахмурился, до рези в глазах вглядываясь в едва уловимый профиль.

Нет, не узнавал. Он бы скорее решил, что это Любовь Павловна ему каким-то невероятным чудом попалась, но, во-первых, дом у них был элитный. Откуда у разведённой ординаторки из Краснодара такие деньги? Даже на съём? Маловероятно. Потом Соболев вспомнил саму Любовь Павловну: её строгую и спокойную манеру держаться, скупые улыбки, некоторые жесты словно у помещицы из девятнадцатого века, ну, на крайний случай начала двадцатого. И вот эта вот пава Любовь Павловна и тиндер...Ну точно нет! Ерьсь какая-то...Да и возраст...Этой тридцать...

– Узнаешь?– с надеждой покосился на друга.

Рам лишь плечами передёрнул.

– Да нет... Может в гости пришла?

– Может.

На экране высветился ответный лайк, Соболев вытер о бедро вспотевшую ладонь. "Неожиданно нервно всё это..." – рассеянно подумал про себя. Хотя поводов вроде бы нервничать не было. Незнакомый же человек, ну нет и нет, подумаешь! Но было страшно упустить почему-то... Так страшно, что Сергей смалодушничал и проямлил.

– Так, Рам, давай ты, а то не силен я в переписках этих...

– А я, думаешь, силе... – начал было Рамиль, но проглотил продолжение под скептическим взором приятеля. Вместо этого только, хмыкнув, шепотом сказал, – Только Ленке не говори, что я тебе тут баб снимаю, а то устроит мне... БДСМ-вечеринку...

– Не переживай, Тиграныч. Если и отшлепают, то не по моей вине, – заверил друга Соболев.

Рамиль, фыркнув со смеху, застрочил необходимые приветственные банальности. Сергей налил себе ещё уже подходящего к концу коньяка и залпом выпил. Горло обожгло горячей горечью, в груди растеклось хмельное тепло, конечности потихоньку становились ватными, а происходящее смахивало на дурацкий, но забавный и волнующий сон. Настолько волнующий, что Соболеву даже смотреть на экран со всплывающими сообщениями не хотелось, достаточно было пространных и едких комментариев Керефова.

– Слушай, а дамочка то не против! – выдал вердикт Рамиль через пару минут, – И даже адекватная... вроде... На!

Сунул под нос телефон с открытой перепиской, но Сергей пока отмахнулся, ощущая всё нарастающее покалывающее волнение. Не против...

– Против чего "не против"? – только уточнил, подхватывая кусок хамона с тарелки.

– Прямо сейчас "не против", Серёг, – чёрные глаза Керефова масляно сверкнули, а Соболев моментально напрягся и впился в приятеля тяжелым взглядом.

Да нет.

Быть не может, что этот бородатый за две минуты доболтался до секса с незнакомой с виду приличной женщиной. Но Рам так смотрел...

– Встретиться? Сходить куда-то? Сейчас? – уточнил Сергей, сглотнув и чувствуя, что даже трезвеет. Рука сама нащупала бокал, поднесла стеклянный край к губам.

– Не, – кривая улыбка на лице Рама расплзлась шире, – Ходить не надо... Она через полчаса сама зайдёт, Иваныч. Помоемся только наверно, марафет наведёт и придёт к тебе в сто пятнадцатую из своей сто девятой. Не благодари!

Соболев и не собирался. Вместо этого он окатил приятеля набранным в рот коньяком. Рамиль подскочил с места, отряхиваясь и смеясь уже в голос.

– Так, орошать своими жидкостями чуть позже будешь, Серёг, – ржала в лицо ошалевшему Соболеву бородотая сволочь, затирая мокрое пятно на домашней футболке, – И не меня! Меня нельзя – я верный!

– Прямо вот сейчас? – пробормотал Сергей в шоке, даже и не думая извиняться за случившийся с ним конфуз.

– А почему нет? Ты ж хотел! – Рамиль перестал мучить свою одежду и одарил приятеля удивленным взглядом.

– Да, но... Я... Что, вот так сразу домой придёт к незнакомому мужику? Она точно нормальная? Нормальные, знаешь, так не делают, – с сомнением протянул Сергей. Он хотел добавить, кто именно так обычно делает, но из контекста его мнение было итак понятно.

– Как так-то, Серёг? – возмутился Рам, разводя руками, – Не знакомятся? Ну придет она к тебе и что? Что такого-то? Узнала, что соседи, дом у нас нормальный, люди вроде все приличные, маргиналов нет. Любопытно может стало девушке... Скучно может ей... Да и не по пять же вам лет, все взрослые люди со взрослыми потребностями. Я тебе может Америку открою, Иваныч, но бабы тоже любят тряхаться. И не обязательно по любви!

– Да, без тебя б и не знал, спасибо, – проворчал Соболев, почесывая затылок, – Дай, почи-таю.

И вырвал у Рама свой телефон. Оказалось, вся недолгая переписка действительно вертелась вокруг удивительного совпадения, что они соседи. Потом "Сергей" – Рамиль как бы невзначай сообщил, что как раз заказал пиццу и был бы рад её с кем-то разделить. И незнакомка под ником "Она", немного пококетничав, согласилась. " Буду через полчаса" – гласило последнее сообщение, отправленное ею семь минут назад. Сердце в груди Сергея больно стукнулось о ребра и понеслось в учащенном темпе, разливая лихорадочное волнение по кровотоку. Дома бардак. Успеет? Чёрт. Хотя... Вот что он вообще так разнервничался? Дама то похожа такая... Не очень требовательная и принципиальная. Значит и пару носков у дивана переживёт...

– Только вот пиццы нет, – пробормотал Соболев вслух.

Вместо ответа раздался дверной звонок, возвещая о пришедшей доставке.

– И мою заберешь, – великодушно предложил Рамиль перед тем, как пойти открывать, – Для такого дела не жалко.

– А ты?

– А я перебуюсь Ленкиными ананасами.

Сергей, усмехнувшись такой жертве, подумал, что с другом и соседом ему всё-таки повезло.

От Керевых Соболев вышел протрезвевший от нахлынувшего будоражащего волнения и нагруженный двумя коробками пиццы. Оказывается, его вечер только начинался... Сам не мог решить – хочется ему продолжения или нет. Когда тебе тридцать семь, случайные связи и знакомства – настоящее испытание. Не то, что в двадцать. Да и секс... Нет, секс Соболев любил, но с годами его предвкушение, да и сам процесс, подернулись некой циничной дымкой и налётом чего-то обязательного. Просто физиология, просто необходимость. Как бриться. К слову, и брился он тоже не каждый день – раздражало.

Подходя к лифтам, Сергей ощутил умопомрачительный аромат домашней выпечки, заполнивший всю парадную. Настолько сильный и аппетитный, что он с лёгкостью перебивал запах пиццы, исходящий из коробок в его руках. Опять кто-то готовит. Похоже, внизу. Последние полгода постоянно. Жить невозможно. Как выйдешь из квартиры – слюной захлебываешься. Это уже какое-то преступление против соседей. В голове промелькнуло, что он бы лучше пирожков этих поел или что там вместо предстоящего сомнительного знакомства, но Соболев усилием воли прогнал эту мысль.

7.

После того, как Зойка отправила последнее сообщение, на кухне повисла гнетущая тишина. Глаза подруг встретились и скрестились в немом поединке.

-Ну, я не зна-а-аю,- Люба первой нарушила молчание, растерянно разведя руками,- Вот так сразу и домой, Зой?!

- Люб, иди красься, а,- безапелляционным тоном заявила на это Городецкая.

- Приличные женщины сразу домой не ходят,- неуверенно нахмурилась Любовь Павловна.

- А счастливые ходят, Люб. Так что помыться тоже не забудь,- фыркнула Зойка и налила себе ещё бокал, махнула им в сторону двери,- Давай-давай... Уже двадцать восемь минут!

- Да твою ж ... Чёрт! - Люба подскочила с места и ощутила, что ноги от вина ватные и лёгкие. В голове слабенько закружило, но быстро прошло, из горла вырвалось неуместное хихиканье. Неужели и правда пойдёт? Сама себе не верила... Как принято говорить, Люба была не такая... Но когда тебе тридцать пять и ты разведена, продолжать быть "не такой" становится всё сложнее...

- Слушай, а вдруг маньяк какой-нибудь?- уже в дверях обернулась Люба на поглощающую пирожки и заливающую в себя вино подругу.

- Он же твой сосед!- жуя, невнятно пробурчала Зойка,- Скажешь, что подруге рассказала- побоится... Да и вообще, скорее всего, просто посидите-пиццу поедите. Поболтаете... по-соседски...

И подмигнула.

- А, ну да,- нехотя согласилась Любовь Павловна. Возражения у неё кончались. И всё же она замерла в дверях, не решаясь выйти с кухни. Как-будто именно это был самый отчаянный, последний шаг к её грехопадению.

- Как всё-таки на Соболева похож...- рассеянно себе под нос пробормотала.

– Похож, да,– кивнула Зойка и расплылась в хитрой улыбке,– Ну так и отлично... Все гештальты разом!

Про гештальты Люба благоразумно сделала вид, что пропустила.

– А вдруг это он вообще?– выдала Вознесенская последний свой аргумент,– И Сергей же тоже... Вот позорище то будет!

–Что не рожа, то Сережа, слышала такое?– расхохоталась в ответ Зойка, а потом уже серьезней,– Да не он, Любаш. Этот худее, и Соболев на Ваське живёт... вроде.

Только вот "вроде" Зоя добавила с запинкой и совсем тихо, так что исчезнувшая в дверном проёме Любовь Павловна и не услышала.

Собиралась Люба лихорадочно быстро, вся в суете. Сначала накрутила волосы, принципиально решив не мыться. Потом, нервно покусывая губы, всё-таки залезла под душ, накрутила волосы опять, снова облачилась в черное платье, в котором и фотографировалась для тиндера. Слишком роскошное для посиделок в квартире с пиццей по мнению Любови Павловны, но Зойка настояла, заверив подругу, что Люба в нём "огонь!". Ну огонь так огонь, пойдём в гости в вечернем наряде. Волосы тоже распустила по плечам как на фотографии. Промокнула запястья японскими цветочно-морозными духами, пытаюсь избавиться от стойкого аромата пирожков. Погибая от волнения, улыбнулась дрожащими губами своему отражению.

– Ох, Любка, мечта! – пропела Зойка за её спиной.

–Ой, всё...– пробормотала в ответ Любовь Павловна, вытирая о юбку вспотевшие ладошки и скептически изогнув бровь.

– Я у тебя ночевать останусь, так что жду,– напутствовала Зойка.

– Ага,– рассеянно кивнула в ответ Люба, пребывая в каком-то полубоморочном состоянии.

Вышла из квартиры. Дверь с грохотом за ней захлопнулась, словно отрезая от прошлой жизни. Цоканье собственных каблучков по гранитному полу дробило в крошево нервы. Дождаться лифта, чтобы подняться на один этаж, показалось Любе глупостью, и она на непослушных подгибающихся ногах направилась к пожарной лестнице. Достигнув цели, пару минут зачарованно изучала чёрную заветную дверь сто пятнадцатой квартиры. Хорошая дверь...

добротная... мужская такая дверь... да. Тяжко вздохнула, перекрестилась и нажала на кнопку звонка.

Едва уловимые звуки шагов за мужской добротной дверью отдавались в груди глухим набатом. Если бы не вино, она бы уже трусливо сбежала... Шаги затихли, Люба почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд и в ответ уставилась в глазок. Всё-таки дурацкая ситуация... Вот её сейчас точно разглядывают, а она такой возможности не имеет. Ей улыбнуться? Глупо как-то... улыбаться двери... Люба нервно повела плечом. Мгновения тянулись бесконечно долго. Не открывает. Почему не открывает? Потому что она... страшная??? Люба судорожно вздохнула, пытаясь переварить эту мысль. Не выходило. Жгучая обида разрасталась подобно опухоли. Подождала ещё секунду.

Нет, ну знаете ли... Это уже вообще... Хам!

Люба возмущенно фыркнула, взмахнула распущенными волосами и резко развернулась, собираясь было гордо уйти.

Не вышло.

Дверь тут же настежь распахнулась, и Любовь Павловну оглушил властный окрик "Стоять!", произнесенный до боли знакомым голосом нового начальства.

Сергей Иванович Соболев привык считать себя не очень везучим человеком. На экзаменах он всегда тянул билет, который знал хуже всех, единственное свободное парковочное место вечно занимали прямо перед его носом, а его ночных дежурств боялись уже на всём отделении, потому что пациентки с родового вдруг резко начинали рожать, не давая спать до самого утра. Ещё и своим ходом толпы набегали, и половина как назло с двойнями.

Но Соболев не жаловался.

Благодаря своей любимой невезучести он стал лучшим студентом на курсе, так как приходилось зубрить все досконально. Из-за часто попадающихся на родах двоен Сергей написал по этой теме блестящую диссертацию, а парковка... Да, с парковкой смириться было тяжелее всего, но ведь не всё коту масленица...

И вот сейчас стоял Сергей у дверного глазка и не верил. Как? Это невероятное что-то... Быть не может. Моргнул, ещё раз моргнул и поборол дурацкое желание себя ущипнуть.

Люба.

Любовь Павловна, с умным видом и стальным блеском в ореховых глазах сообщившая ему утром, что не терпит несанкционированных прикосновений малознакомых ей людей, стояла у него под дверью, чтобы, простите, потрахаться. Под совершенно незнакомой ей дверью, надо заметить!

Ах, ты... Жопа манерная... Значит так, да? Ему и дотронуться, видите ли, нельзя, а сама по тиндерам всяким шастает! Ну, Любаша, погоди... Отдеру...

Соболев сглотнул гремучую смесь из осуждения и веселья, щедро приправленную накалывающей волнами похотью, мысленно продумал линию поведения, щелкнул замком и настежь распахнул дверь. Как раз вовремя, чтобы упереться жадным взглядом в Любину пышную задницу, по всей видимости собирающуюся трусливо покинуть поле боя.

-Стоять! – гаркнул так, что сам вздрогнул от неожиданности.

Своенравная добыча замерла на месте, вращая тонкими шпильками в пол, покатые плечи видимо напряглись, но Любовь Павловна не торопилась поворачиваться. Так и стояла к нему спиной и другой примечательной частью своего тела посреди коридора. По голосу узнала, догадался Серега, переваривает. Что ж, он тоже не сразу перед дверным глазком отмер, так что здесь он Любу прекрасно понимал. И ещё понимал, что сейчас скорее всего рванет. И не к нему, а в обратном направлении. Но допустить такого развития событий Сергей не мог. Поэтому Соболев нанес упреждающий удар, крепко ухватив ординаторку за локоть, и рывком втащил в свою квартиру. Люба возмущенно охнула, качнувшись на каблуках. Серёга расплылся в азартной ухмылке, захлопывая за ней дверь. На всякий случай повернул все защелки. Глупо, но... Но вот захотелось! Жаль, наручников нет...

– Сергей Иванович,– зашипела кошкой Люба, потирая сдавленный локоток,– Совсем уже!

– Секс и пицца, Любовь Павловна, проходите – располагайтесь. Уже не чужие люди, уже познакомились!

8.

Люба застыла в чужой прихожей, заторможенно наблюдая, как заведующий методично закрывает все дверные замки, напрочь отрезая её от нормального реального мира. Ноги предательски подкашивались из-за накатывающей слабости, дыхание сбилось, по телу забродил неуместный огонь. Так стыдно ей не было никогда! И в тоже время абсурдность ситуации и бурлящее в крови вино делали происходящее если не приемлемым, то вполне забавным. "В конце концов, Соболев – адекватный...вроде бы..." – мелькнуло у Любы в голове, – "Ну, посмеёмся и домой вернусь – убивать Зойку. На Ваське, говорит, живет, ага..."

На этой ноте Люба осмелела и возмущенно зашипела, потирая ноющую локоть.

– Сергей Иванович, совсем уже!

Соболев медленно повернулся, вперив в неё тяжелый дымный взгляд, и тут Любе стало по-настоящему неуютно. Потому что это был не тот Сергей Иванович, который холодно и оценивающе смотрел на неё в ординаторской, выбирая себе помощницу. И даже не тот, который с интересом разглядывал её, сидя на подоконнике и куря как паровоз в своём кабинете. Этот словно незнакомый ей мужчина смотрел прямо и жадно, не скрывая при этом иронии и лёгкой снисходительности, что было ещё более обидно и полностью дезориентировало.

– Секс и пицца, Любовь Павловна, проходите – располагайтесь. Уже не чужие люди, уже познакомились, – явно веселясь, предложил заведующий и широким утрированным жестом повел рукой в сторону то ли спальни, то ли кухни.

У Любы от возмущения отпала челюсть. Да за кого он её принимает? Внутренний голос настойчиво зашептал, что как раз за ту самую, и щёки вспыхнули от всколыхнувшегося внутри жаркого протеста.

– Сергей Иванович, не знаю, что вы там подумали, – холодно начала Любовь врать, потому как очень даже знала, – Но о половом акте речи в переписке не было. И вообще, это недоразу...

– Люб, вы проходить будете? – нетерпеливо перебил Сергей, а потом, усмехнувшись, добавил, – Я бы вас с удовольствием подтолкнул, но, боюсь, опять зашипите...раньше времени...

Его теплые карие глаза хитро сощурились, как-то слишком плотоядно сверкнув.

– Или трогать уже можно? – вкрадчиво уточнил.

– Не-не, нельзя... – на автомате пробормотала Любовь Павловна, – И что значит "раньше времени"?

– Раз нельзя, тогда сами. Направо, – хмыкнул Соболев, проигноривав её последний вопрос.

Люба качнулась в нерешительности на каблуках, с тоской взглянув на входную дверь, путь к которой загораживала высокая фигура хозяина квартиры, и, вздохнув, покорно скинула туфли. Ну, не съест же он её, да? Да и глупо убегать от человека, с которым точно завтра встретишься на работе.

– Прошу, – Сергей не дотрагивался, но шёл так близко, что у Любы было стойкое ощущение, что её ведут под конвоем. Спина покрылась покалывающими знойными мурашками, по телу заструилось тепло, ощущения обострились. Это всё слишком интимно как-то, неправильно.

– Знаете, я в этом смысла не виж... – начала было снова давать заднюю Любовь Павловна, но Сергей опять перебил.

– Сюда.

И всё-таки дотронулся. Горячая крупная ладонь уверенно легла чуть пониже поясницы и надавила, подталкивая Любу на светлую кухню. Дыхание перехватило, но возмутиться Люба не успела, так как рука сразу же исчезла, оставив лишь фантомный ожог на ставшей очень чувствительной от переживаний коже.

– Садитесь, Люб, – Соболев галантно отодвинул стул, так странно смотря на неё и едва заметно улыбаясь.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Дурацкая... дурацкая ситуация. Ещё и стыд накатил новой волной. Люба быстро огляделась, решая разом две задачи: не смотреть на хозяина квартиры и составить мнение о его доме. Кухня как кухня, просторная, дорогая, современная, безликая. Самой примечательной вещью была пепельница в форме черепа да миски какого-то домашнего животного в углу у холодильника. Больше взгляд ни за что не цеплялся, вернее так и лип к заведующему, обходящему сейчас стол, чтобы тоже сесть. Сергей опустился на стул рядом с ней, хотя мог бы устроиться и напротив, и небрежно пододвинул к ним коробку с пиццей, лежащую на другом конце стола.

– У меня коньяк,– безапелляционно заявил Соболев и бахнул стопкой прямо перед Любиным носом.

– Спасибо, я крепкие напитки не пью,– отрезала Любовь Павловна, про себя продолжив, что с неё на сегодня уже точно достаточно. Допилась уже.

– За знакомство, – предложил тост Сергей, сделав вид, будто она ничего и не говорила, и приподнял свою рюмку, демонстративно ожидая, когда гостя с ним чокнется.

Люба показательно вздохнула, иронично выгнула бровь, недовольно поджала губы и хотела уже было прочитать лекцию о личных границах и умении адекватно воспринимать отказы, но взглянула Соболеву в глаза и как-то разом и бесповоротно потонула.

– Сергей Иванович, я...– тихо- тихо. Голос предательски дрогнул, и Люба запнулась.

Соболев так смотрел. С пониманием, лёгкой насмешкой и чём-то тревожащим её до глубины души. На самом дне его чуть прищуренных карих глаз плескалось жидкое чувственное пламя, опалая Любу лижущим щёки жаром в ответ.

– Мне так неловко, Сергей Иванович, вы даже представить не можете...– честно на выдохе пробормотала Люба, не замечая, что начала говорить хриплым полупшепотом,– Мы с подругой сидели, и она...в шутку...Понимаете? И я...Я вообще не хотела...а тут вы! И...

– Значит, не хотели?– оборвал Соболев её бессвязные признания и подался ближе, смотря прямо в глаза.

– Не хотела,– едва слышно согласилась Люба.

– А тут я,– повторил Соболев её же слова, криво усмехнувшись и подавшись ещё ближе, так, что их носы чуть не стукнулись.

Люба сглотнула, боковым зрением поймав, как его руки берут её в кольцо. Левая ложится на столешницу, а правая упирается в спинку её стула. Сердце гулко и отчаянно застучало, разгоняя кровь, зашумевшую в ушах.

– А тут вы...– одними губами подтвердила и попыталась отодвинуться, выставив так и не выпитую рюмку перед собой как щит.

Вознесенская сама не понимала напавшей на неё робости. Но встать и полностью разрушить их неожиданную близость сил не было. Тело словно вросло в этот чёртов стул. Осталось лишь широко распахнутыми глазами взирать на Сергея. Наблюдать, как медленно расширяются его зрачки, превращаясь в черные бездонные воронки, и надеяться, что черту он не переступит.

– Разочарована?– затягивающий взгляд карих глаз соскользнул ниже, замирая на её разомкнутых губах.

– Что?– Люба уже ничего не знала, кроме того, что её начальник слишком близко и пялится на её рот. Так близко, что она ощущала, как горячо от его тела, и как пахнет от него чем-то терпким, древесным, очень мужским и чуть коньяком с сигаретами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.